

ЗОМБИ ЭТО ПШИК

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Денис Шутов

18+

Денис ШУТОВ

Зомби – это пшик

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Шутов Д. А.

Зомби – это пшик / Д. А. Шутов — «ЛитРес: Самиздат», 2018

История про то, как кавказец-интроверт, выживающий в лесах средней полосы, научился не бояться и полюбил зомби-апокалипсис. Содержит нецензурную брань.

Посвящается Лене.

Знайте, без неё этот апокалипсис мог бы и не состояться!

Солнце медленно восставало из мёртвых, обещая дать жару всем, кто не успел спрятаться. Мурат знал, что дожидаться мертвецов – занятие неблагодарное, поэтому проснулся ещё до рассвета. Юноша брёл по сонному августовскому лесу и часто озирался, держа наготове своё единственное оружие – перочинный ножик.

Вдалеке почудилось движение. Это могло обрадовать охотника, но вот охотником Мурат не был – скорее, наоборот. Он резко свернул и, сделав пару шагов, заметил в траве то, что предпочёл бы не находить.

Разваливающиеся останки жёлтой шляпки. На её полях бурела запёкшаяся слизь, а в многочисленных дырках виднелись кусочки мякоти, где уже наверняка копошились черви.

По всему было видно, что обладательницу шляпки пожирали долго, упорно и заживо.

Это означало, что Мурат опоздал.

Окажись он тут хотя бы на пару дней раньше, и такого исхода можно было избежать, а теперь...

Лисичка сгнила.

Не то чтобы из этого стоило делать трагедию, но заметив шляпку, Мурат надеялся найти вкусный гриб, а нашёл труп гриба. Обманутые ожидания есть обманутые ожидания.

Мурат очень любил собирать грибы. А ещё – ловить рыбу. Поэтому первые выходные августа решил провести на природе. Подальше от мертвецов с работы и мертвецки пьяных вэдэвэшников, чей профессиональный праздник выпал на воскресенье. Конечно, День Воздушно-десантных войск в последние годы праздновался более спокойно, чем в начале двухтысячных, но кто знает, как пройдут гуляния «голубых беретов», когда в это же время мусульмане будут отмечать Курбан-байрам? В общем, выходные, проведённые в городе, могли закончиться для Мурата на работе. А этого он не хотел. Потому что работал ночным санитаром. В морге.

Можно подумать, что перспективы сотрудника на такой работе не радужнее перспектив его «клиентов», но это не совсем так. При определённом везении существовали мизерные шансы стать санитаром дневным и немного повысить свой оклад. Правда, вместе с ростом зарплаты увеличивалось и количество грязной работы. Ночной санитар в основном спал, иногда таская новопришедшие трупы. Его дневные коллеги проводили с телами все остальные необходимые манипуляции: вскрывали полости, извлекали органы, зашивали. Казалось бы, не самая лакомая вакансия, но, попав на такую должность, можно очень неплохо зарабатывать мимо кассы.

Ведь родственникам очень хочется, чтобы в гробу их близкий выглядел чуть ли не лучше, чем при жизни: «Шоб как на этой фотографии!» Где покойник, кстати говоря, тоже получился лучше, чем в натуре. Эту разницу между «инстаграмом» и смертью пытаются нивелировать не скульпторы, не художники и даже не гримёры или визажисты, а простые дневные санитары. За отдельную и иногда очень солидную плату.

Поэтому когда Мурат из интереса спросил начальство о переводе в дневную смену, ему дали понять, что чурбан без волосатой лапы может попасть туда только вперёд ногами. Обе лапы Мурата были совершенно лысы. В переносном смысле.

Впрочем, не особенно и хотелось. В ночном морге Мурат оказался по другим причинам. Во-первых, он надеялся подучиться медицине у скучающих патологоанатомов, что, с учётом его планов, было крайне желательно. Во-вторых, такой график давал возможность получить нормальное дневное образование.

Если, конечно, кто-нибудь согласится, что учёба в техникуме на лесничего – это нормальное образование.

Мурат вот сомневался. Но после детдома и армии... Он не чувствовал себя ни кавказцем (так как родителей не знал и всю жизнь провёл в Москве), ни уж тем более русским (такого шанса ни сверстники ни старшие ему никогда не давали). А в армии он себя и человеком-то порой не ощущал.

В этой жизни уважительно к Мурату относились только мертвецы. По крайней мере, так ему казалось. И речь даже не о «клиентах», иногда позволявших себе звуки, которые уважительными не назовёшь. Речь, например, о Довлатове, об Азимове, об Ильфе и Петрове, о Стругацких, о Брэдберри, об Оруэлле, о Дике и многих, многих других. Живых писателей в детдомовских библиотеках почему-то не держали. Наверное, чтобы не создавать тлетворной атмосферы.

К девятнадцати годам друзей во плоти у Мурата не оказалось. Каких-то особых навыков тоже. Зато была насквозь аварийная однушка, выданная государством на фоне громких слов про заботу о сиротах, да пара сотен тысяч, скопленных на сберкнижке.

Итак, что он делает здесь? В мире двоемыслия, где по телевизору говорят одно, но в жизни всё делается совершенно иначе. Люди из ящика утверждали, что дети – это будущее страны! А будущее у страны – великое! Вот только почему детдомовский персонал обращался с великим будущим России как с дерьмом?

Что ж, одна из сторон явно оценивала ситуацию более здраво.

В армии, впрочем, всё было ещё хуже.

Мурат не мог понять, как жить в таком обществе. Работать с людьми и для людей ему совершенно не хотелось. Но что тогда делать?

Идея пришла в голову по дороге со службы, когда напившийся Мурат зачем-то излил душу попутчикам-демпелям. Те посоветовали ему отправиться в Сибирь и героически защищать вымирающих амурских тигров. «Собственным телом. От голода. У-ха-ха-ха!»

После драки и сотрясения мозга совет мог подзабыться, но на счастье один из дембелей, попавших в соседнюю палату, оказался большим фанатом «Короля и Шута». Хит этой группы, постоянно звучавший из смартфона, и выступил профориентатором.

Так что в пятницу утром Мурат уехал из города не только отдыхать, но и осмотреть потенциальное рабочее место.

В пятидесятилитровом рюкзаке поместились все необходимые для выживания вещи. А так же парочка не особенно нужных. Среди последних ручная динамо-машинка для телефона, которая вряд ли пригодилась бы Мурату в эти два дня, тем более что на природе он держал мобильник выключенным. Но зарядник все гуру-выживальщики заклинали брать. Рядом валялась другая хрень – миниатюрный рекламный образец спрея от комаров, втюхнутый промоутером у метро.

Разумеется, навязанные вещи были закинута в отделение с верёвкой. Кладя двадцатиметровый моток в рюкзак, Мурат усмехнулся, на секунду почувствовав себя лицемером, ведь, буквально говоря, одна из целей его похода – резать верёвки. Чужие, естественно: те несколько обрубленных веток, которые туристы оставляют на деревьях, чтобы не заморачиваться с отвязыванием натянутого от непогоды тента. Казалось бы, и правда: зачем возиться с этими узлами? Да и вреда от них никакого: всё равно сгниют. Вот только скорее сгниёт несчастная сосёнка. Точнее, засохнет. Если дерево молодое, то ствол быстро ширится, и со временем верёвка начинает перекрывать приток соков к верхушке. С этим справляется даже самый ветхий и гнилой шнурок, постепенно превращаясь в первоклассную гарроту, удушающую жертву всего за несколько лет.

Деревья Мурат жалел. Вполне достаточно, что они погибали, давая голос его мёртвым друзьям. К тому же, без деревьев не станет леса, а без леса не станет лесничих.

Поэтому, добравшись до прудов у реки Любловки, что под Егорьевском, Мурат сначала срезал все замеченные удавки и лишь потом отправился собирать грибы, отложив рыбалку до вечера.

Только за рыбной ловлей и сбором грибов Мурат чувствовал себя полноценной личностью. Ведь сама суть данных промыслов предполагает одиночество, необходимость избегать других людей. Если грибник видит незнакомый силуэт, то чертыхается и сворачивает в сторону. Если рыбак слышит, что на занятый им пляж идёт шумная компания, то чертыхается и сворачивает удочки.

Поэтому когда страну пожрал монстр зомби-апокалипсиса, и ходячие мертвецы наводнили окрестности, обычное походное поведение Мурата в общем-то не изменилось.

О нашествии зомби ему эсэмэснуло МЧС. Разумеется, не прямым текстом. Было бы странно, если ведомство, которое даже ураган называет «порывами ветра до ста метров в секунду», вдруг осмелилось написать «зомби». Но их «уважаемые жители, просим не поддаваться панике и не выходить из дома» уже намекало на что-то серьёзное. Мурат увидел сообщение, когда включил мобильник воскресным вечером, чтобы свериться с расписанием электричек – пора было собираться домой. Только из-за этого СМС он не смахнул уведомления предустановленного твиттера, а взглянул на рекомендованные подборки. Возможно, там объяснят, что происходит. Микроблогеры порой конкретнее в формулировках, чем суровые спасатели.

Все твиты содержали изображения «деликатного характера». Как оказалось, потому, что людей там делили на части. Это можно было бы принять за репортаж с какого-нибудь тематического фестиваля или очередной фотешоп-флэшмоб, или проделки хакеров, но вместе с фотографиями выкладывали и видео.

Вот кто-то снимал, как группа бомжей доедала товарища. Вот озверевшие пациенты гоняли врачей по поликлинике. Вот пассажиры электрички вцепились в охрану поезда. Вот группа омонцов сражалась с обезумевшей толпой. Вот потерявшие всякий человеческий вид вэдэвэшники бросались на людей в парке Горького. Последнее, впрочем, мало отличалось от старого доброго дня ВДВ.

Мурат горько усмехнулся, вспомнив приуроченную рекламу спрея от комаров, которая звучала из каждого утюга: «Они воздушные, полосатые и нападают у воды? Защитись от них баллончиком!» Только видео доказывали, что баллончики от зомби-десантников не спасали.

В следующем ролике участники дорожно-транспортного движения наконец занимались тем, о чём всегда мечтали в воскресных подмосковных пробках: разрывали других водителей на куски.

Мурат только сейчас сообразил, что не слышит слабого автомобильного гула, который давно стал фоновым звуком многих подмосковных лесов. Высокочастотные человеческие крики до него тоже не долетали.

И тут видео про зомби сожрали весь немногочисленный интернет Мурата. Он попытался подключить дополнительный пакет трафика, но денег на счету не осталось, а обещанный платёж не срабатывал. Тогда он начал звонить коллегам. Звонки не проходили.

Там, где кончился интернет, началось осознание. Совсем рядом гибли люди. Возможно, уже за границей леса. Мурат старался понять, что должен чувствовать по этому поводу. Страх? Сострадание? Желание помочь?

Мертвецов Мурат не боялся. Для сострадания, вероятно, требовался зрительный контакт. А бежать на помощь было слишком опасно и, скорее всего, бессмысленно. Вместо этого непрощено и гадко восставала какая-то эгоистичная детская радость от осознания, что завтра явно можно не идти на работу. Главное теперь, чтобы работа не пришла к нему.

Мурат задумался: в морге сейчас завал, или наоборот – шаром покати? И тут же спохватился: чёрт с ней с работой, но как же учёба? Как же мечта стать лесничим?

Да, похоже мечта умерла и вряд ли так легко восстанет. Хотя – признался себе Мурат – на самом деле он ведь мечтал не о должности лесничего; он мечтал поселиться в лесной избушке, разговаривать со зверями и иногда подкармливать волков браконьерами. Но такому в техникуме не учили, по крайней мере, на первом курсе. Там рассказывали о биологии, экологии и законах. Не рассказывали, правда, как найти работу в условиях, когда лесничеств становится всё меньше, и как потом выживать на нищенскую зарплату.

В последние месяцы Мурат всё чаще думал, что так и проведёт остаток жизни среди мертвецов. Похоже, он оказался чертовски прав.

Среди мертвецов, зато в лесу. Было ли сейчас место безопаснее? Мурат находился вдали от людей и зомби, в окружении нескольких водоёмов и едой, растущей прямо под ногами. Впрочем, если зомби вдруг забредут в ночной лес и наткнутся на спящего девятнадцатилетнего паренька, они тоже смогут сказать, что их еда росла под ногами. Поэтому стоило оборудовать спальное место на дереве – как можно выше. Чем Мурат и занялся.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.